

Розділ перший

**ФІЛОСОФІЯ ДОБИ ГЛОБАЛІЗМУ,
ПОСТМОДЕРНУ Й ІНФОРМАТИЗАЦІЇ**

УДК 130.2:141.7

**Вандышев В.Н. – д-р филос. наук, профессор,
Сумский государственный университет**

**АРИСТОКРАТИЯ, МЕРИТОКРАТИЯ
И ПЕРМАНЕНТНАЯ ПРИРОДА УТОПИЗМА**

Рассмотрены особенности трансформации идеологии утопизма в различных исторических условиях и показано, что на протяжении многих столетий утопизм непреодолим ни как концепт, ни как литературный жанр. Утопизм рассмотрен также в контексте анализа природы и сущности знания вообще, его доступности и восприятия в различные периоды истории. С плюрализацией средств массовой информации, с ростом рекламной индустрии, обращенной к обширной аудитории, средства массовой информации зажили своей собственной жизнью, формируя основание для новой властной структуры информационного общества – нетократии. Последняя и становится одной из новейших форм утопизма.

Ключевые слова: утопизм, аристократия, меритократия, коммуникация, плюрализм, нетократия, медиа, информация.

Вандышев В.М. Аристократія, меритократія та перманентна природа утопізму. Розглянуто особливості трансформації ідеології утопізму в різних історичних умовах і показано, що впродовж багатьох сторіч утопізм непереборний ні як концепт, ні як літературний жанр. Утопізм розглянутий також в контексті аналізу природи і суті знання взагалі, його доступності і сприйняття в різні періоди історії. З плюралізацією засобів масової інформації, із зростанням рекламної індустрії, зверненої до широкої аудиторії, засоби масової інформації зажили своїм власним життям, формуючи підставу для нової владної структури інформаційного суспільства – нетократії. Остання і стає однією з новітніх форм утопізму.

Ключові слова: утопізм, аристократія, меритократія, комунікація, плюралізм, нетократія, медіа, інформація.

Vandysh V.N. Aristocracy, meritocracy and permanent nature of utopizm. The features of transformation of ideology of utopizm are considered in different historical terms and it is returned that during many centuries utopizm is insurmountable neither as concept nor as a literary genre. Utopizm is considered also in the context of analysis of nature and essence of knowledge in general, his availability and perception in different periods of history. From pluralism mass medias, with growth of publicity industry, turned to the vast audience, mass medias began to live the own life, forming foundation for the new imperious structure of informative society – netokracy. The last becomes one of the newest forms of utopizm.

Keywords: utopizm, aristocracy, meritocracy, communication, pluralism, netokracy, media, information.

Тема дня завтрашнего – тема утопическая. Всяческое беспокойство о дне завтрашнем, если отвлечься от того беспокойства, которое свойственно домохозяйке, живет в отстранении от дня вчерашнего. Многим людям кажется, что все зло, наполняющее проистекшую человеческую жизнь, растворяется в небытии вместе с прошлым. Складывается ощущение, что осознание ушедшего зла, выставление его на всеобщее обозрение (никчемного и неопасного!), ненависть к нему и проклятия в адрес бывлой несправедливости – свидетельства того, что зло не имеет права на существование. И тогда приступают к строительству нового мира, который есть не что иное как очередной виток борьбы против старой несправедливости. Борьба увлекает, вселяет в души уверенность, что вот, наконец, зло будет преодолено. Но в этой

борьбе просто некогда, да и сил не хватает, чтобы оглянуться, чтобы заставить себя понять, что, может быть, в очередной, и в который уже раз!, по какому-то непостижимому дьявольскому замыслу зло продолжает торжествовать, выступая в новом облике. Вот, собственно, почему и сам утопизм непреодолим ни как концепт, ни как литературный жанр.

Всякая социология начинается с проблемы исследования социальных различий. Очевидно, наиболее зримыми здесь выступают различия между богатыми и бедными: в историческом плане – между аристократами и простолюдинами, между капиталистом и наемным рабочим, а в нынешнем измерении между бюрократом и гражданином. Каковы же истоки этих различий? Именно потребность разрешить этот вопрос всегда продуцировала различные социальные концепции и социально-утопические проекты модернизации общественных отношений. Акценты в утопических проектах могут быть расставлены различные, в зависимости от предпочтений их творцов. Это могут быть моральные ценности, приоритеты государства, возвышение культуры и знания, наполненное эстетизмом, превознесение интеллекта или восторженный технократизм. При внимательном прочтении многих социологических трактатов то или иное предпочтение обнаруживается. Подтверждение этому мы находим в работах Платона, Аристотеля, Томмазо Кампанеллы, Томаса Мора, Владимира Соловьева, Фридриха Энгельса, Николая Федорова, Анатолия Богданова, Тейяра де Шардена, Маргарет Мид, Льюиса Мамфорда, Мерила Янга и др. Начиная с середины двадцатого столетия, утописты предпочтение, безусловно, отдают перспективе технократической картины мира.

В этом контексте весьма значимой представляется проблема доступности, сущности знания и способности восприятия и понимания. Думаю, что сегодня мощный поток информации, направленной на телезрителя или пользователя сети Интернета, дает основания с большой долей уверенности утверждать, что есть люди, которые обладают тайным знанием в различных его ипостасях. Собственно, такие люди были всегда, они знали и понимали причины зла, наполняющего повседневность, но почему-то они не желали и не желают, чтобы тайное знание перешло в общий поток жизни ради более успешной борьбы с вездесущим злом. Почему так происходит? Если ответить коротко, то здесь могут быть два ответа. Первый ответ можно свести к тому, что это знание вовсе и не скрыто. Второй ответ более категоричен: по своей природе это знание не может стать общим достоянием.

Если начать со второго ответа, то здесь важно понять, что тайное или древнее знание не может принадлежать даже многим, не то что всем. Это – закон, потому что знание, как и всё в этом мире, материально. Поэтому знание характеризуется всеми атрибутами материальности, среди которых и условие предела: в данном месте и при данных условиях количество знания ограничено. И морская вода, и песок пустыни, и волосы на голове человека – всё исчислено. То же и со знанием. Было бы весьма опасно, если бы тайное жизненно важное знание становилось достоянием людей недостойных его, неспособных воспользоваться им правильно. Ведь никто же не дает ребенку управлять движением автомобиля, грузового или пассажирского поезда. Поэтому вполне актуально и ныне звучат слова Иисуса Христа: «Не давайте псам святыни...»

Думаю, что вполне приемлема мысль о том, что каждая эпоха, каждое столетие имеет свой объём знания, что мы можем увидеть просто наблюдая жизнь. Материя знания имеет разные свойства в зависимости от того, в каких количествах она берётся. Знание, воспринятое одним человеком в данном месте в больших количествах, даёт чудесные результаты. Если же знание в небольших количествах воспринято множеством людей, то оно может не то, что не дать никаких результатов, оно может даже иметь негативные последствия.

Наше время, особенно последнее десятилетие, отмеченное бурным ростом числа студентов отечественных вузов, когда осталось крайне незначительно число ограничений для получения такого образования, вполне это демонстрирует. Некоторое количество знания, распределенное среди большой массы людей, дает возможность каждому получить очень мало, и это небольшое количество знания ничего существенно не изменяет ни в жизни каждого из них, ни в их понимании сути вещей. Хуже того, эти «образованные люди» будут себе искать кумира, авторитет, на которого они могут положиться. Иисус призывал опасаться лжепророков, но сегодня они пришли, и им несть числа. Очевидно и то, что для большинства людей жизнь становится все более трудной.

Такой результат вполне закономерен, потому что материя знания уже сегодня менее духовна, чем это было, например, в девятнадцатом столетии, и будет с каждым поколением лишаться очередной доли духовности, которая как раз и привносит устойчивость и осмысленность человеческому существованию в мире. Отсюда, гораздо выгоднее для человечества, чтобы знание хранилось среди узкого круга людей.

Можно предположить, что в силу каких-то неведомых ныне причин огромной массе людей может быть отказано в обретении знания, чтобы другие могли получить большую часть его. На первый взгляд, такое предположение демонстрирует известную несправедливость. Отсюда можно сделать вывод, что

незаслуженное лишение преобладающего большинства людей знания, делает их жизнь более печальной и тяжелой, нежели она могла бы быть.

Но так может судить скорее человек высокообразованный, хотя и далекий от человеческой массы, занятой делами повседневными, жизненно необходимыми для поддержания привычного ей образа жизни. Опять же так может судить человек высокообразованный и думающий, что он знает ту жизнь, потому что привык мерить и других людей мерками своей системы ценностей и системой своих интересов. Увы, системы не совпадают, ибо обстоятельства жизни совсем не одинаковы. На деле огромное большинство людей не желают никакого знания, на деле эти люди отказываются даже от своей доли знаний. Достаточно посмотреть на этих людей во времена массовых безумств, каковы являются войны, восстания и прочее. В подобных ситуациях люди точно теряют даже те крупницы здравого смысла, которые им свойственны в обыденной жизни, они становятся автоматами, огромными массами отдаваясь полному уничтожению, теряя даже животный инстинкт самосохранения.

Но будучи материальным, знание не может исчезнуть в никуда в эти драматические и убийственные для многих времена. Напротив, оно может быть распределено среди тех, кто понимает его ценность. В этом нет ничего несправедливого, получающие знание не присваивают чужого, они берут лишь то, что отвергнуто другими. Естественно, что иногда возникает необходимость собирать знание. Показательно и то, что работа по собиранию рассеянной материи знания часто совпадает с началом разрушения и крушения культур и цивилизаций.

Еще одно обстоятельство, которое заслуживает пристального внимания в связи с рассмотрением отношения человека к знанию, может быть связано с книгой Жюльена Офре де Ламетри «Человек-машина». Вполне приемлемо, когда философ-натуралист высказывает хотя и спорную, но ведь в значительной мере и правильную мысль: человек – это машина. Он в своих работах достаточно аргументировано привлекал в качестве авторитетов не только известных учёных-натуралистов, но и Декарта, который первый пытался искать аргументы в пользу доказательства, что животные являются простыми машинами.

Конечно, с высоты нынешней науки легко упрекнуть де Ламетри в некомпетентности, особенно когда он утверждает, что человеческое тело – это особый часовой механизм, построенный с таким большим искусством и изощренностью, что он способен жить и двигаться даже в случае повреждения или засорения некоторых деталей его. Рычаг всех движений человека автор усматривал в сердце, которое является рабочей частью человеческой машины. Решение же вопроса о *душе* и беспокойство, вызываемое *этой химерой*, полагал Ламетри, должно предоставить невеждам. С изрядной долей фатализма автор книги призывал покориться неизбежному неведению относительно нашей судьбы и нашего происхождения.

Впрочем, созерцая реалии окружающей нас жизни, трудно отделаться от ощущения, что автор «Человека-машины», несмотря на известную дерзость, прав в той мере, в которой человек предстаёт перед нами как сложная машина, подобно мушкету либо ветряной мельнице. Но, если бы де Ламетри глубже вник в идеи Декарта, осмыслил суть окказионализма этого философа, тогда он мог бы объяснить, почему многие, точнее, подавляющее большинство людей имеют сознание, но не наделены интеллектом, действуя как машины, выполняющие весьма ограниченный набор движений, проживая жизнь подобно сложным автоматам. Декарт заявляет: «Я постараюсь объяснить машину нашего тела так, чтобы у нас было так же мало оснований относить к душе движения, не связанные с волей, как мало у нас оснований считать, что у часов есть душа, заставляющая их показывать время»¹.

Мысль Декарта предполагает требование выбора: или человек – существо, мыслящее при посредстве воли, или человек – это машина, действующая под влиянием внешних воздействий. Можно перестать быть машиной, но тогда надо знать, что есть машина человеческого тела. Настоящая машина не может знать себя. А машина, которая знает себя, – это уже не машина, так как она начинает проявлять **волю в своих действиях**.

Отсюда, обращаясь к существующим утопическим проектам организации либо преобразования общества, приходится в первую очередь прислушиваться к мыслям их творцов, касающихся природы и доступности знания. В утопической концепции Платона существуют ясные указания на пределы доступности знания. Таковые определяются рядом обстоятельств, присущих человеческой индивидуальности: способность к познанию, память, остроумие, проницательность. В силу указанного, в процессе воспитания и развития своих способностей под руководством опытных наставников лишь некоторые люди способны стать философами как самыми тщательными стражами. Чтобы не ошибиться в выборе людей, способных в перспективе управлять государством, «надо проверять человека в трудностях, опасностях и радостях..., надо упражнять его во многих науках, наблюдая, способен ли он воспринять самые высокие познания или он их убоится, подобно тому как робеют люди в случае усилий иного рода»².

¹ Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и фр. Т.1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – С. 424.

² Платон. Государство / Соч. в 3 т. Т. 3. Ч. 1. – М.: Мысль, 1971. – С. 309.

Естественно, важным представляется вопрос об устройстве идеального государства, которое Платону представляется вполне возможным. Руководить таким государством сможет философ, человек, который действительно направил свою мысль на бытие. Посему ему уже недосуг смотреть вниз на людскую суету, бороться с людьми, преисполняться недоброжелательностью и завистью. «Общаясь с божественным и упорядоченным, философ тоже становится упорядоченным и божественным, насколько это в человеческих силах»¹. Если же после этого у философа возникнет необходимость позаботиться о внесении в общественную жизнь порядка, а не только желание самосовершенствоваться, то из него выйдет неплохой мастер по части всей вообще добродетели. И здесь мы обнаруживаем недвусмысленный посыл Платона: «... никогда, ни в коем случае не будет процветать государство, если его не начертят художники по божественному образцу»². Сделав набросок такого государства, исследовав, что по природе справедливо, прекрасно и рассудительно, можно приступать к созданию прообраза потребного человека. Воплощение же идеального государства, по Платону, сопряжено с большими усилиями и, добавлю, жертвами. Таким образом, начав с возвышения знания, он приходит к подавлению индивидуального в человеке и формированию тотального человека в тотальном обществе.

Мерил Янг в своей утопии также исходит из примата уровня интеллектуальных способностей человека, четко определяя градацию уровней такового. Коэффициент интеллекта, измеряемый в пределах 100–125 единиц, присущ представителям среднего класса. Ниже – удел рабочих. Но все в этом обществе оказались довольными своим положением. Рабочие, поскольку им не приходилось выполнять работу, превосходящую уровень их способностей. Они обрели свой миф о физической мужественности. «Такой просветительский подход достигал двоякой цели: культивировался ручной труд и в то же время более полнокровным становился отдых»³. Кроме того, развитая система заочного образования позволяла периодически перепроверять свой интеллектуальный уровень и занимать соответствующее положение в обществе. Поэтому не следует, подобно многим социологам, переживать за судьбы тех, кто ограничен в силу своей ущербности. Социологи неправы, поскольку пытаются мерить всех одним выдуманым аршином.

Мерил Янг отмечает: «Люди невысокого интеллекта обладают драгоценными свойствами: они ходят на работу, они покорны, они верны своему семейному долгу. Но они лишены амбиций, непосредственны и неспособны представить себе общую картину современного общества с такой ясностью, чтобы выразить какой-либо эффективный протест. Некоторые из них испытывают смутное недовольство, не слишком понимая, что можно сделать... Но большинство представителей данного сословия свободно и от этих чувств, ибо не ведают, что с ними творят»⁴. В этом социального статуса людей М. Янг принципиально не согласен ни с Дж. Оруэллом, ни с О. Хаксли, поскольку не все менеджеры прежде понимали, что четкое отождествление справедливости с эффективностью, гуманности с порядком есть не что иное, как новая ступень в развитии человека, достигнутая благодаря предшествующему прогрессу социальных наук.

Итак, по фантазии Мерила Янга, идеальное общество, в котором все взрослые представители нации, обладавшие коэффициентом интеллекта (КИ) свыше 125, вошли в состав меритократии, на каком-то этапе состоялось. Но сразу же возникла проблема, ибо у таких родителей в большинстве рождались и дети с КИ выше 125. Таким образом, благое намерение возвысить каждого, руководствуясь его индивидуальными качествами, подверглось опасности. Меритократическая элита превращалась в наследственную. Интеллектуальные родители решили, что не следует более посылать своих детей в общие школы, хотя многие и так уже учились в частных. Все-таки кризис достал и меритократию. И тогда родители-меритократы пошли на то, чтобы обменивать своих тупых детей на умных детей из низших классов с хорошей доплатой. Такое положение вещей вызвало протесты в обществе и нарушение былой гармонии. Круг замкнулся, М. Янг стал критиком своей же концепции.

Каково же положение вещей нынче, относительно видения связи социального положения человека и его индивидуального интеллектуального достояния? На этот вопрос, очевидно, есть ряд ответов, которые можно найти в существующей современной литературе. Один из таковых мы находим в работе А. Барда и Я. Зодерквиста⁵. Авторы полагают, что многие мыслители и авторы подвержены соблазну преувеличивать человеческое влияние, и считают людей способными на свободное волеизъявление, будучи в некотором смысле творцами истории. На самом деле наши возможности действовать независимо строго ограничены. Действия, заметные в истории, правильнее трактовать как реактивные, а не активные. Так, оче-

¹ Там же. – С. 305.

² Там же. – С. 306.

³ Янг М. Возвышение меритократии / Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – С. 333.

⁴ Там же. – С. 334.

⁵ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. – СПб., 2004.

рование любыми утопиями, а коммунистической тем более, определялось наряду со многими иными причинами также и необходимостью приспособляться к постоянным переменам. Привлекательность утопий состоит в их обещании отдыха и покоя, в сильном и всеобъемлющем желании остановить хотя бы на время движение, навязанное извне. Но остановить свое собственное движение, значит, сделать то же и относительно процесса истории. Конец истории стал бы ни чем иным, как концом всех общественных процессов, означающим нашу собственную кончину. Нам всегда приходится выбирать между нирваной, состоянием перманентного покоя, и принятием того, что все вокруг нас находится в постоянном движении и изменении, что приводит к необходимости постоянно приспособляться. А поскольку наши возможности маневра минимальны, это с философской точки зрения, делает нас заложниками исторического процесса.

Нынешнее общество – это общество информационное, а наиболее характерным признаком перехода от капитализма к информационному обществу является общая медиализация. С плюрализацией средств массовой информации, с ростом рекламной индустрии, обращенной к обширной аудитории, средства массовой информации зажили своей собственной жизнью, формируя основание для новой властной структуры, и стали все больше приобретать характеристики парадигмы информационного общества и его правящего класса – нетократии¹. Поскольку же масс-медиа стремились в первую очередь избавиться от давления политиков, избранных народом, то они и сделали этих самых политиков главной мишенью своей атаки, «доказывая», что в действительности доверие электората к своим избранным незначительно. Так выбранные политики предстали перед избирателем как группа коррумпированных дельцов, устраивающих лишь свое благополучие. У каждого народа своя версия этого мифа: американские политики – это, как правило, неверные мужья, а их европейские собратья в основном уличаются в махинациях с кредитными карточками и уклонении от уплаты налогов.

Постоянно твердя об этом предполагаемом презрении к политикам, СМИ произвели на свет медиа-феномен, а общественное мнение и законы в равной степени сконструированы и сформированы средствами массовой информации. Политики стали производителями, избиратели – потребителями, а сами СМИ присвоили себе роль кураторов политической арены, и, таким образом, осуществляют тотальный контроль над политическими процессами в информационном обществе, в полном соответствии с принципами нетократии. Произошло так, что всякий политик теперь не более чем участник постановки, сценарий которой написан в коридорах медиа-империй, при этом недоверие и презрение к политикам есть основная идея этого аттракциона. То, что никто не подвергает этого сомнению, еще не означает, что это на самом деле так. Просто такая «правда» нынче является полезной для тех кругов, чьи интересы она обслуживает, а именно нетократических СМИ, захвативших командные высоты общественной жизни.

Можно предположить, что презрение к политикам – не более чем миф, а люди, которые создали и поддерживают этот миф, возможно, заинтересованы в том, чтобы он выжил и казался «естественным». Но как этот миф появился и чьим интересам служит его распространение? Оказывается суть дела во власти. Существует прямая зависимость между уровнем власти и активностью избирателей: чем больший объем власти на кону, чем большее количество полномочий ассоциируется с конкретной позицией или органом, тем сильнее интерес избирателей. Кризис демократии – это следствие все большей озабоченности избирателей по поводу растущей беспомощности политиков. Поэтому все больше граждан протестуют молча, сидя на диване, вместо стояния возле избирательных урн.

Реальное политическое бессилие политиков проявляется и в том, что они охотно допускают потребителей СМИ в интимные сферы, а что еще им остается делать? Отказаться будет равносильно собственноручному вычеркиванию себя из списка участников этой политической мыльной оперы. Грань между политикой и сплетнями стирается все больше. Политики новой эпохи сильно смахивают на артистов кабаре, чьей специализацией является то, что американский социолог Ричард Сеннетт назвал «духовным стриптизом». Они создают политический капитал на собственной личной жизни, а по-настоящему серьезные проблемы, требующие времени и осмысления, остаются без внимания.

Остается предположить, что цель этого процесса – служить интересам масс-медиа. Бард и Зодерквист подчеркивают, что те, кто занимает властные позиции внутри медиа-империй, не назначаются народом (интересы которого они беспрестанно отстаивают), в отличие от политиков. Медиа-руководители избираются внутри собственных кругов, тщательно отбираются в дружеских группах и получают задание обслуживать закрытые ложи и гильдии нетократии. В сердцевине самого настоящего кризиса демократии находится нетократическое представление о тайной, невидимой власти².

Поэтому целесообразно говорить о роли информационных сетей, важной характеристикой которых является прозрачность. Принцип прозрачности проявляется в том, что все участники Сети имеют доступ

¹ Там же. – С. 71.

² Там же. – С. 76.

ко всей необходимой информации и в любой момент могут внести свой вклад, каждый имеет возможность высказать свое мнение и принять участие в процессе принятия решений. Проблема в том, что информационное общество значительно сложнее, чем кажется, а динамика сетей – феномен, который характеризуется и прозрачностью и многими другими значительно более важными аспектами.

Каждая сеть, которая стремится быть мало-мальски привлекательной и успешной, вынуждена производить тщательный отбор своих будущих участников, иначе она быстро погибнет в потоке недостоверной информации, заполняющей ограниченное пространство. Это неизбежно приведет к тому, что наиболее ценные участники сети будут терять к ней интерес и стремиться стать участниками других сетей, в политике которых больше ограничений. Покинутая же ими сеть постепенно становится бесплодной и исчезает.

Открытые сети, появившиеся в результате быстрого развития Интернета, либо будут преобразованы в закрытые сообщества, либо обветшают и станут своего рода мусорными коллекторами бесполезной информации, в то время как нетократы непрестанно образуют сети высших уровней, в которых концентрируется власть и влияние. Это общество, по определению, является посткапиталистическим, поскольку ни деньги, ни титулы, ни слава в нем не имеют значения при вступлении в ту или иную сеть высшего уровня. Нетократический статус, который ныне в цене, определяется совершенно другими характеристиками – знанием, контактами, кругозором, видением. В виртуальном мире просто нет центра. Власть вообще станет невероятно трудно локализовать, и потому, естественно, станет еще труднее и критиковать её, и бороться с ней. Но тот факт, что власть становится более абстрактной и невидимой, не означает, что она исчезает или ослабевает, скорее наоборот.

Коллективной власти кураторов сетей ничто не угрожает, ибо их функции в обозримом будущем не смогут выполняться машинами, поскольку нет стандартизированных правил. Не существует накопленной мудрости, идеологических традиций, квалификационных экзаменов или специального образования. Ни один из общественных институтов старой парадигмы не имеет долгосрочных перспектив успешной конкурентной борьбы на сетевом рынке, где залогом успеха являются интуиция, превосходные социальные навыки, высочайшая восприимчивость и обладанием стилем. В нетократической сети информация сама по себе имеет ограниченную ценность. Напротив, ценна способность избегать ненужной информации. Метаинформация – сведения о том, как наиболее эффективно связать разнородную информацию – сама по себе есть самая ценная ее разновидность.

Резюме авторов: «Капиталисты станут низшим классом, занятым возней вокруг устаревшей, второсортной информации, в то время как нетократия – сетевая элита – забирает главный приз власти и статуса, а вместе с ним нападки и тычки. Нетократы в конечном итоге, унесут и финансовые доходы, невзирая на то, что они второстепенны. В конце концов, только избранные контролируют знание и способны привлекать внимание, что более ценно, чем что бы то ни было»¹.

По мнению А. Барда и Я. Зодерквиста, нетократов не интересует самореализация и поиск своего истинного «Я». В их глазах все это – вздор и предрассудки. Они не верят и не намерены верить в то, что представляется им пережитком прошлого. Взамен они жаждут холить и лелеять свою способность к одновременному и своевременному действию и совершенствоваться в искусстве постоянного развития множества параллельных самостей. Развитие личности идет по пути реализации всех возможных состояний человека делимого, создания прагматичного союза различных темпераментов и черт характера. Цельность будет восприниматься как достойное жалости свидетельство немощи, а не идеал. Шизофреническая, калейдоскопическая личность, напротив, становится достойным подражания примером, поскольку она функциональна. Нетократические дивидуалы будут в постоянном поиске твердой опоры, с тем лишь, чтобы тут же обнаружить, что опора в движении. Тогда, в надежде обрести почву, они перейдут на платформу другого уровня, и все лишь с тем, чтобы обнаружить, что и она в движении. «Сознание хрупкости фантазий приведёт к крушению иллюзий и потере смысла, но также к творческому опьянению свободой и неограниченными возможностями. Когда фантазии создаются во взаимодействии с другими дивидуалами, возможности общения растут, и тогда может произойти все что угодно»².

Возможно, рефлектируя идею нетократии, авторы цитируемой работы пытаются убедить читателей в действительности и перспективности этой формы организации общественных отношений. В то же время не покидает ощущение того, что это очередное толкование в духе утопизма. Таким образом, очевидно, что акценты в развитии идеи утопизма на протяжении многих столетий, начиная от Платона, – если не идти дальше до ведической традиции, – опираются на определенное толкование способности индивида к восприятию, пониманию и использованию обретенного знания. Сохранение, приумножение и сокрытие знания при этом является важным моментом удержания как интереса к его носителю, так и вла-

¹ Там же. – С. 202.

² Там же. – С. 207.

Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна №995

сти. И поэтому наш мир становится иллюзорным, миром «как бы». Утрачены концы в клубке событий, не за что ухватиться, чтобы распутать клубок. Вот так обернулась история: от утопии к иллюзии утопии.

© Вандышев В. Н., 2012.